

УДК 001

Трансцендентальная гносеология: образы познания в русской философии всеединства

Громов Егор Валерьевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: gromove@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям гносеологических концепций русской религиозной философии конца девятнадцатого – первой половины двадцатого веков, разработанных в рамках философии всеединства. Автор анализирует гносеологические концепции В.С. Соловьёва, Е.Н. и С.Н. Трубецких, делая акцент на использовании в данных концепциях понятия Абсолюта как средства, позволяющего выйти из гносеологического тупика, в котором оказалась западноевропейская философская мысль. На основе этого анализа автор приходит к выводу, что в русской религиозной философии была выработана оригинальная и не утратившая значения до сих пор концепция познания как акта трансцендирования человеческого разума.

Для цитирования в научных исследованиях

Громов Е.В. Трансцендентальная гносеология: образы познания в русской философии всеединства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 9А. С. 5-11.

Ключевые слова

Гносеология, всеединство, трансценденция, Е.Н. Трубецкой, В.С. Соловьёв, С.Н. Трубецкой, отвлечённые начала, абсолютное знание.

Введение

Русская религиозная философия принадлежит к величайшим достижениям российской цивилизации, что уже само по себе обуславливает актуальность её исследования и использования её достижений. Особенно актуальны её идеи именно сейчас, когда Россия переживает один из глубочайших в своей истории цивилизационных кризисов, обусловленный отказом от трёхсотлетней политики вестернизации. Кризис, поразивший западную культуру на протяжении жизни последних двух поколений её носителей, не имеет прецедентов в истории Европы и по масштабам далеко превосходит подобный кризис, приведший в третьем -четвёртом веках к распаду западную часть Римской империи. Это небывалое прежде разрушение нравственных основ великой цивилизации затрагивает и Россию, которая в течение последних столетий именно на Западе искала образцы высокой культуры. В современном российском обществе крепнет понимание того, что единственный способ избежать вовлечения в этот кризис – найти цивилизационную парадигму, основанную на традиционных духовных началах. Между тем, разработка именно такой парадигмы была основной целью русской религиозной философии на протяжении всего её исторического пути. Стремясь к этой цели, российские мыслители последовательно решали многочисленные возникавшие перед ними задачи во всех отраслях философского знания.

Основное содержание

Традиционно считается, что основными темами русской философии были предназначение человека и историческая судьба России. В этом есть доля истины: сама религиозная основа философских концепций подталкивала русских мыслителей к поиску духовного смысла человеческой жизни, а исторические потрясения, претерпеваемые Отечеством, заставляли задумываться над вопросом о его миссии и грядущей судьбе. Однако большинство русских философов решали эти проблемы в контексте философских теорий (а начиная с В.С. Соловьёва – философских систем и школ), основу которых составляли учения о бытии мира и человека и о возможностях его познания, истоки которых мыслители старались найти в Православии. Эта работа привела к появлению оригинальных онтологических и гносеологических концепций, одной из которых стала трансцендентальная гносеология, основанная на понятии положительного всеединства.

Возникновение этой гносеологии связано с потребностью русских философов осмыслить понятие истины в свете православного вероучения. Существовавшие на тот момент гносеологические концепции, выработанные в западноевропейской философии, не удовлетворяли их своими неразрешимыми противоречиями с той религиозной картиной мира, которая лежала в основе их систем. Следует отметить, что большинство создателей трансцендентальной гносеологии находились под влиянием Канта и неокантианства, против которых и была, по преимуществу, направлена их полемика. Гносеологическая концепция Канта приводила к выводу, что источник познания, в сущности, есть сознание познающего субъекта, тогда как объективный мир не только не познаваем, но и само его существование недоказуемо [Соловьёв, 1988, с. 674-691]. Как отмечает В.С. Соловьёв, Фихте, в сущности, довёл кантианство до логического предела, провозгласив, что именно сила творческого воображения, присущая «Я», творит объекты «иного», объективируя тем самым индивидуальное бытие. В такой гносеологической схеме не находится места для Бога, как

творца мира и человека; более того – само существование Его становится под вопрос: ведь если мир сущностей есть бессознательное произведение моего собственного воображения, то почему же представлению о Первосущности не быть таковым [Соловьёв, 1988, с. 214]? Отсюда – отнесение действия Божия в жизни человека исключительно в сферу морали, с чем не могло примириться православное мировоззрение русских философов, искавшее живой связи с источником вечного бытия.

Выход из религиозно-гносеологического тупика философы школы Соловьёва искали в концепции всеединства, предполагающей, в частности, единство Бога и его высшего творения – человека. Именно во всеединстве мир сущностей, по мнению Канта и его последователей, недоступный разуму человека, становится открыт для познания. Трансцендентное открывается человеку благодаря причастности последнего к нему. Этот тезис составил основу гносеологической концепции В.С. Соловьёва.

Проблема познания в философии В.С. Соловьёва

Первую систему трансцендентальной гносеологии в русской философии разработал её крупнейший представитель – В.С. Соловьёв. В гносеологии Соловьёва видны все наиболее характерные черты последующих гносеологических концепций основанной им софиологической школы, прежде всего – стремление увязать проблему познания с концепцией всеединства всего сущего в Боге. Как отмечает В.В. Зеньковский, в работах Соловьёва, начиная с самых ранних, он пытается уйти от идеи автономности философии, укоренившейся в европейской интеллектуальной традиции со времён Фомы Аквинского [Зеньковский, 2010, с. 460-464]. Философия, как и богословие, должна быть знанием, приближающим человека к Абсолюту, её конечная цель – содействовать обожению человека, восстановлению его единства с Богом. Однако это ставит философа перед вопросом: как возможно человеческим разумом проникнуть в сферу истинного бытия, сферу трансцендентного; в сферу того, что не дано в ограниченном человеческом опыте?

Ответ на этот вопрос Соловьёв ищет в концепции всеединства. Уже в «Философских началах цельного познания» он постулирует цель философского познания как содействие «...в своей сфере, то есть в сфере знания, перемещению центра человеческого бытия из его данной природы в абсолютный, трансцендентный мир, другими словами – внутреннему соединению его с истинно-сущим» [Соловьёв, 1988, с. 150]. Теософия – «истинная философия» - достигает истины, как цели познания, не через накопление и критику чистых знаний, но через единение с самим её источником. Но в чём этот источник? Отвечая на этот вопрос, Соловьёв приходит к выводу, что подлинная Истина трансцендентна, и имманентна одновременно; будучи трансцендентной как чистое духовное Бытие, она в то же время не полностью непостижима для человека, который сам есть часть единства, охватывающего всё творение и связанного с Богом через Мировую душу – Софию [Соловьёв, 1988, с. 720-721]. Именно единство человека со всем мирозданием и его Творцом обеспечивает возможность преодолеть пропасть между сущностью и явлением.

Только через всеединство слабый человеческий разум приобщается к Вечному бытию. Для Соловьёва принципиально важно именно преодоление не столько гносеологической, сколько онтологической пропасти между Творцом и Его творением. Мысль человека способна проникать в сущностное бытие созданных Богом вещей именно потому, что она находит опору в Боге, связь с которым человек не утратил даже несмотря на грехопадение. Через Софию человек постигает бытие Бога, мира и своё собственное. Именно эта концепция дала ряду

последующих русских философов (В.В. Зеньковский, А.В. Карташев) упрекнуть Соловьёва в склонности к пантеизму [Карташев, 2002, с. 366 - 368]. Однако гносеологическая концепция Соловьёва оказала влияние и на его критиков, в частности, на теорию познания В. Зеньковского, изложенную в трактате «Христианская философия». Отвергая учение о всеединстве в том виде, в каком оно дано у Соловьёва, Зеньковский выводит, тем не менее, возможность человеческого познания из понятия о Церкви, как категории онтологической. Именно через причастность к «разуму Церкви» разум человеческий обретает полноту познавательных способностей: «Индивидуальный разум, в котором осуществляется познавательная активность, не от себя ведь входит в истину, но через тот синергизм, в котором индивидуальное сознание становится органом разума Церкви под благодатным воздействием Св. Духа» [Зеньковский, 2010, с. 58]. Таким образом, познавательная способность человеческого разума оказывается обусловлена, как и у Соловьёва, его причастностью к трансцендентному.

Абсолютное знание как источник достоверности человеческого познания

Из всех русских философов, разрабатывавших проблему всеединства, наибольшее внимание проблемам познания уделяли Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие. По оценке В.В. Зеньковского, оба выдающихся представителя философской династии занимали первое место среди последователей Соловьёва [Зеньковский, 2001, с. 746 - 747]. Как и для других русских философов, для Трубецких гносеологическая проблема составляет часть более обширной и сложной проблемы – проблемы духовных оснований человеческой природы. Однако оба они считают решение проблемы познания необходимым для построения целостного образа человека. Человек – существо познающее, но как возможно для него познание? В чём заключаются основы его способности воспринимать и осмысливать не только бытие материального мира, к которому принадлежит он сам, но и своё собственное бытие (многие принципиально важные аспекты которого сокрыты от чувственного восприятия, как, например, начала нравственного чувства в человеке и даже сами причины его разума)? Более того: в меру своих возможностей человек пытается познать даже заведомо непознаваемое для него – Бога и мир духовных сущностей. Очевидно, познавательные способности составляют важную часть человеческой природы; постичь их необходимо для понимания человека. При этом само понимание человека составляет лишь шаг к решению главной проблемы – проблемы его предназначения. Как и все последователи Соловьёва, братья Трубецкие видят цель человеческого бытия в обожении человека, и познание – необходимое условие обожения.

Итак, как и для В.С. Соловьёва, для С.Н. и Е.Н. Трубецких гносеология служит одним из камней в фундаменте антропологии. Оба философа решают проблему познания в контексте представлений о всеединстве, ключевой частью которого является человек. Однако было бы ошибкой предполагать, что гносеологические и антропологические системы у обоих Трубецких тождественны.

Наиболее близко к взглядам Соловьёва на природу познания из них стоит С.Н. Трубецкой. Исходя из тезиса о единстве человека с познаваемым им миром, он утверждает сообразность мироустройства познавательным способностям человека. В «Основаниях идеализма» он указывает на то, что сущее и наше сознание организованы по одним и тем же логическим законам [Собрание сочинений кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого, 1908, с. 173-180] (В.В. Зеньковский видит в этом тезисе «своеобразный вариант гегельянства», указывая, вместе с тем,

что для Трубецкого отождествление бытия и мышления – лишь одна из промежуточных ступеней его философской системы [Зеньковский, 2001, с. 754 - 756]). Как последовательный идеалист, С.Н. Трубецкой различает общую, абстрактную идею – первообраз конкретного бытия, - и конкретную материальную действительность – реально-самобытную, доступную чувственному восприятию и обособленную от других подобных действительностей материальными границами, но связанную с ними через единство в Софии. Давая характеристику идеализму С.Н. Трубецкого, важно помнить, что София – Мировая душа – в его понимании есть совокупность идей-первообразов, которые, учитывая христианские основания его философии, можно понимать, как изначальные замыслы Божьи о вещах, составляющих бытие мира. Следовательно, целью познания может и должно быть не только воспроизведение материального бытия, но и постижение его первопричины, возможное только при познании вещи в контексте всеединства.

Важное место в гносеологии обоих братьев Трубецких занимает вопрос о пространстве и времени как условиях познания мира. В его интерпретации оба стоят на позиции Канта, согласно которой пространство и время есть формы человеческого восприятия. В какой-то мере можно сравнить такой подход с теми представлениями о пространстве и времени, которые даны в теории относительности А. Эйнштейна, с той разницей, что в релятивистской теории необходимым условием существования континуума служит существование материи (если бы исчезла материя, исчезли бы и пространство, и время), тогда как согласно субъективно-идеалистической гносеологии, для существования *явлений* пространства и времени необходим тот, кто воспринимает эти явления. С исчезновением воспринимающего субъекта прекращаются те восприятия, которые связаны с его самоотличением от внешнего мира (пространственные) и со сменой состояний собственного бытия (временные). Продолжая аналогию с современной естественнонаучной картиной мира, можно заметить здесь сходство, если не прямое родство, с сильным антропным принципом в интерпретации Дж. Уилера, согласно которому для бытия Вселенной необходим наблюдающий разум. Развивая кантовский подход к проблеме пространства и времени, Е.Н. Трубецкой указывает, что условием их существования является не субъективное восприятие отдельного человеческого индивидуума, но «трансцендентальная чувственность» [Трубецкой, 2017, с. 83-84], всеобщая по отношению ко всем отдельным познающим субъектам. Условием же существования такой универсальной чувственности философ считает причинность как необходимое логическое условие действительности [Трубецкой, 2017, с. 86]. Е.Н. Трубецкой отмечает невозможность решения проблемы пространства и времени в рамках неокантианских концепций, обусловленную их антропологизмом. Признание непостижимости мира сущностей приводит к невозможности решить проблему единства понятий пространства и времени для всех познающих субъектов. Эта проблема, по мнению философа, оказывается разрешима только через причастность человека к Абсолютному разуму – положительному всеединству, как универсальному источнику понятий.

Заключение

В российской философии 19-20 веков сформировалась уникальная гносеологическая традиция, в основе которой лежит понимание познания как единения человека с монотеистически понимаемым Абсолютом. Проблема истинности познания понимается в ней как проблема приобщения человека к трансцендентному источнику Истины; часть более общей

проблемы абсолютного всеединства. Познавательные способности человека, по мнению русских философов школы В.С. Соловьёва, обусловлены подобием человека Богу, цель познания – содействие обожению человека. Гносеологические концепции и идеи этой школы составляют уникальное наследие отечественной философии.

Библиография

1. Зеньковский В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с.
2. Зеньковский В.В. Христианская философия. Составитель и отв. редактор О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 1072 с.
3. Карташев А.В. Вселенские соборы. Фонд «Христианская жизнь». — Клин, 2002.
4. Собрание сочинений кн. Сергья Николаевича Трубецкого. Том II: философскія статьи. — М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. — С. 161 – 284.
5. Соловьёв В.С. Критика отвлечённых начал/ Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 531 - 745.
6. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания/ Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 139 - 289.
7. Трубецкой Е.Н. Метафизическія предположенія познания: опыт преодоленія Канта и кантіанства. - М.: Типография «Русская печатня», 1917. — 337 с.

Transcendental Epistemology: Images of Cognition in Russian Philosophy of All-Unity

Egor V. Gromov

PhD in Philosophy,
Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology,
Elabuga Institute,
Kazan (Volga Region) Federal University,
423604, 89, Kazanskaya str., Elabuga, Russian Federation;
e-mail: gromove@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the features of epistemological concepts in Russian religious philosophy of the late 19th and first half of the 20th centuries, developed within the framework of the philosophy of all-unity. The author analyzes the epistemological concepts of V.S. Solovyov, E.N. Trubetskoy, and S.N. Trubetskoy, emphasizing the use in these concepts of the idea of the Absolute as a means of overcoming the epistemological impasse in which Western European philosophical thought found itself. Based on this analysis, the author concludes that Russian religious philosophy developed an original and still relevant concept of cognition as an act of transcending human reason.

For citation

Gromov E.V. (2024) Trantsedental'naiа gnoseologіiа: obrazy poznanіiа v russkoi filosoфii vseedinstva [Transcendental Epistemology: Images of Cognition in Russian Philosophy of All-Unity]. *Kontekst i refleksiya: filosoфиya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (9A), pp. 5-11.

Keywords

Epistemology, all-unity, transcendence, E.N. Trubetskoy, V.S. Solovyov, S.N. Trubetskoy, abstract principles, absolute knowledge.

References

1. Zen'kovskii V. (2001). *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet. 880 p.
2. Zen'kovskii V.V. (2010). *Khristianskaia filosofiya* [Christian Philosophy]. O.A. Platonov (Ed.). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 1072 p.
3. Kartashev A.V. (2002). *Vselenskie sobory* [Ecumenical Councils]. Fund "Khristianskaia zhizn'". Klin.
4. *Sobranie sochinenii kn. Sergiia Nikolaevicha Trubetskogo*. (1908). Tom II: filosofskiiia stat'i [Collected Works of Prince Sergei Nikolaevich Trubetskoy. Volume II: Philosophical Articles]. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko. pp. 161-284.
5. Solov'ev V.S. (1988). *Kritika otvlechenykh nachal* [Critique of Abstract Principles]. In A.V. Gulyga A.F. Losev (Eds.), *Sochineniia v 2 t. T. 1* [Works in 2 Volumes. Vol. 1] (pp. 531-745). Moscow: Mysl'.
6. Solov'ev V.S. (1988). *Filosofskie nachala tselnogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. In A.V. Gulyga A.F. Losev (Eds.), *Sochineniia v 2 t. T. 2* [Works in 2 Volumes. Vol. 2] (pp. 139-289). Moscow: Mysl'.
7. Trubetskoi E.N. (1917). *Metafizicheskie predpolozheniya pozaniya: opyt preodolenia Kanta i kantianstva* [Metaphysical Assumptions of Knowledge: An Attempt to Overcome Kant and Kantianism]. Moscow: Tipografiia "Russkaia pechatnia". 337 p.